

**ОСНОВНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
СЕМЕЙНО-КЛАНОВОГО
КАПИТАЛИЗМА
В РОССИИ НА РУБЕЖЕ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-
ПОСТКЕЙНСИАНСКИЙ
ПОДХОД**

И.В. РОЗМАИНСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Санкт-Петербургский филиал Государственного университета — Высшей школы экономики

1. ВВЕДЕНИЕ

УЖЕ НЕОДНОКРАТНО в некоторых работах, написанных в духе различных институциональных направлений, отмечалось, что экономическая система, складывающаяся (и отчасти уже сложившаяся) в постсоветской России, отличается от рыночных экономик большинства стран Запада¹. Однако очень мало было сказано о сущности таких различий. Данная статья представляет собой попытку заполнения этого пробела. Делаться это будет с точки зрения, интегрирующей традиционно институциональный, неоинституциональный и посткейнсианский подходы. Поясним, что имеется в виду.

Традиционные (или, что то же самое, старые) институционалисты, в отличие от представителей неоклассического мейнстрима, делают акцент на поведенческих нормах, приводящих к ограниченно рациональному или нерациональному поведению, а также на социально-культурных факторах, формирующих эти нормы [9; 12]. В последние годы они, развивая идеи Г. Саймона, также стали писать о роли информационных проблем как причинах ограниченной рациональности [18; 19, с. 47–65; 23]. Новые институционалисты, а точнее, те из них, кто представляет «подход Вашингтонского университета», указывают на огромную важность институциональной среды, т.е. «правил игры», структурирующих взаимодействия между хозяйствующими субъектами [17; 19, с. 554–577]. Кроме того, в целом для неоинституцио-

¹ См. [19]. Эта коллективная монография является на сегодня наилучшим отражением взглядов представителей различных ветвей институционализма по поводу эволюции экономики России в 1990-е гг. См. также работу Л. Косалса [2]. Именно он впервые предложил термин «клановый капитализм», который нами ниже широко используется.

нализма важную роль играет акцент на роли оппортунизма как чрезмерного следования личным интересам [16]. Посткейнсианцы же исходят из основополагающей роли, который играет фундаментальная неопределенность будущего [12; 22]. Здесь большое значение имеют те способы, посредством которых люди приспособляются к этой неопределенности. Отсюда следует своеобразное толкование понятия института, который определяется как «механизм координации принятия решений, позволяющий экономить на издержках, связанных с существованием неопределенности будущего и необратимости прошлого» [14]. Важным является также учение об «инвестиционной близорукости», представляющей собой отказ от учета будущих потоков денег, товаров или ресурсов, поступающих после некоего «порогового» момента времени [29]. Инвестиционная близорукость представляет собой крайне искаженный тип «оценки будущего времени» (делаемой хозяйствующими субъектами) и очень негативно влияет на перспективы экономического развития.

Исходя из всего этого, предлагается несколько важных критериев для сравнительного анализа экономических систем.

Во-первых, это *характеристики институциональной среды*, которая определяется как совокупность правил игры, координирующих хозяйственную деятельность людей посредством снижения степени неопределенности будущего. Способ снижения неопределенности предопределяет тип координации. Второй критерий (вытекающий, правда, в значительной мере из первого) — *способ финансирования координации экономической деятельности*. Координация может финансироваться за счет банковских денег, наличности, бартера или каких-либо иных «средств обращения».

Третий критерий касается *характеристик экономического поведения*.

В разных экономических системах имеют место разные типы ограниченно рационального или нерационального поведения, разные степени следования личному интересу, разные формы «оценки будущего времени» и, наконец, ориентации на различные типы хозяйственных отношений [19, с. 47–65].

Разные типы координации, способов ее финансирования и различные характеристики экономического поведения по-разному влияют как на эффективность размещения ресурсов, так и на перспективы интенсивного экономического роста.

2. ТИПЫ КООРДИНАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБЫ СНИЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО И ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНО-КЛАНОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Неопределенность будущего присуща любой экономической системе, в которой:

- производственный процесс базируется на применении активов длительного пользования и занимает большой промежуток времени;
- производственная деятельность нацелена не (только) на самообеспечение, а «на рынок»;
- большинство экономических решений принимается децентрализованно [8].

Можно выделить четыре способа снижения степени неопределенности будущего.

1. Ориентация производственной деятельности на самообеспечение и/или на семейно-родственные отношения, предполагающие взаимопомощь. Иными словами, ликвидируется второе свойство экономики, подверженной неопределенности. Именно на таком принципе были основаны экономические отноше-

ния при первобытно-общинном строе, при феодализме, а в настоящее время подобный тип связи доминирует в ряде развивающихся стран. Экономика, в которой подобная ориентация производственной деятельности является преобладающей, будет называться нами *семейной*. Ясно, что самообеспечение или семейно-родственные отношения предполагают низкую степень неопределенности будущего.

2. Централизация принятия большинства экономических решений. Здесь ликвидируется третье свойство экономики, подверженной неопределенности. На таком принципе базировались в древности хозяйства с азиатским способом производства и, в недавнем прошлом, «страны победившего социализма». Подобное огосударствление экономики можно рассматривать как мощное средство снижения неопределенности будущего. Подобную экономику мы называем *плановой*.

3. Использование форвардных контрактов для координации хозяйственной деятельности, а также употребление денег как средства соизмерения и погашения контрактов при содействии государства как органа, обеспечивающего принуждение к соблюдению этих контрактов [19, с. 427–446, 554–577; 20, 21, 25]. Это фундаментальные характеристики рыночной экономики «западного» типа, сложившейся в Англии и затем с разными модификациями распространившейся по государствам Западной Европы, США и некоторым другим странам. Посткейнсианцы называют подобную экономическую систему *денежной экономикой* [8; 20]. В дальнейшем этот термин будет использоваться нами как синоним «нормальной» рыночной экономики западного типа.

4. Использование форвардных контрактов для координации хозяйственной деятельности при содействии преступных кланов как органов, обеспечивающих принуждение и соблюдение

этих контрактов в случаях неспособности или нежелания государства выполнять свою основную институциональную функцию [19, с. 554–577]. В таком случае можно говорить о «*клановой*» экономике или «*клановом капитализме*» (если под капитализмом понимать любую экономическую систему, в которой большая часть собственности находится не в руках государства). В чистом виде клановая экономика вряд ли когда-либо существовала. Наиболее близко к этому типу экономической системы подошла Сицилия и прочие области Южной Италии в конце XIX – начале XX в., а также (но уже в меньшей степени) Португалия и Южная Франция в начале и середине XX в. и некоторые страны Латинской Америки в этот же период и позднее².

Главная идея настоящей работы заключается в том, что в современной постсоветской российской экономике доминируют первый и четвертый способы координации экономической деятельности при меньшей роли третьего, «рыночного», способа. Иными словами, мы утверждаем, что в России на рубеже тысячелетий складывается (и в значительной мере уже сложился) «семейно-клановый капитализм».

Семейно-клановый капитализм можно определить как экономическую систему, в которой:

- производственный процесс базируется на применении активов длительного пользования и занимает большой промежуток времени;
- производственная деятельность в основном ориентирована или на

² Таким образом, для нас понятие «децентрализованная экономика» оказывается более широким, чем понятие «рыночная экономика», в отличие от Ж. Сапира [13]. Напомним, что термин «клановый капитализм» позаимствован нами у Л. Косалса [2].

самообеспечение, или на семейно-родственные отношения, или на хозяйственные отношения с лицами, находящимися под покровительством одного и того же преступного клана (или «родственных» в любом смысле этого слова кланов);

- в) большинство экономических решений принимается децентрализованно.

Ключевым в плане отличия от денежной экономики является второе свойство. Мы полагаем, что при «переходе» от плановой экономики к рыночной (с 1990-х гг.) Россия на самом деле стала двигаться к некоему симбиозу семейной и клановой экономик [19, с. 194–220, 492–545]. «Прыгнуть в рынок» не удалось.

Дело в том, что, как следует из вышеприведенной трактовки координации хозяйственной деятельности в денежной экономике, огромную роль в такой координации играет государство. Без государственного принуждения к соблюдению контрактов рыночная экономика «западного» типа просто не может функционировать сколько-нибудь эффективно [там же, с. 554–577]. Идеология же рыночных реформ в России начала 1990-х гг. состояла из стереотипов, сформированных М. Фридменом и особенно Ф.А. фон Хайеком, и предполагала максимально быстрый уход государства из экономики для того, чтобы не мешать спонтанному зарождению рыночной системы. Однако хайековский тезис об исключительно спонтанной природе рыночной системы неверен. «Рынок» не может нормально функционировать без государства как генератора институциональной среды (в первую очередь, в виде защиты контрактов) [там же]. Реализация подобной идеологии в России привела к резкому повышению степени неопределенности будущего.

Для того чтобы ее снизить, российские хозяйствующие субъекты, как не-

трудно догадаться, стали следовать двум стратегиям поведения — ориентации на семейные отношения и ориентации на клановые отношения. Одна часть сделок стала заключаться между людьми, находящимися в родственных отношениях разной степени близости. Другая часть — между людьми, находящимися под покровительством одного и того же преступного клана. Иными словами, в одних случаях защита договоров стала обеспечиваться за счет взаимного доверия родственников, в других — за счет принуждения со стороны преступных кланов. Такое принуждение носило гораздо более жесткий характер, чем принуждение государства.

Развитие семейно-кланового капитализма было обусловлено не только невыполнением со стороны государства функции защитника контрактов, но и соответствующими неформальными правилами игры. Во-первых, десятилетия советской власти, отличавшиеся беспрецедентным произволом государства в отношении своих граждан, породили фундаментальное недоверие последних к этому «генератору институциональной среды». В результате уровень законопослушия постсоветских российских граждан оказался гораздо ниже аналогичного показателя на Западе.

Во-вторых, клановые отношения стали зарождаться и развиваться уже в периоды «застоя» и «загнивания» планового социалистического хозяйства [там же, с. 294–341]. Клановый капитализм — не следствие заговора «жидомасонов» или «глобалистов», а естественный продукт разложения плановой социалистической экономики. Этот продукт мог быть преобразован в нормальную рыночную экономику только при продуманной государственной политике, которой не было.

В-третьих, «загнивание» социалистического хозяйства сопровождалось упадком коммунистической идеологии, формировавшей основу того, что можно на-

звать *общественной идеологией*. Под этим термином нами подразумевается «система общественных целей и предпочтений, формирующих цели и предпочтения отдельных индивидов» [15, с. 27]. Коммунистическая идеология подобна традиционно религиозным идеологиям (православия, протестантизма и т.д.) в том плане, что содержит в значительной мере элементы аскетизма, самоотвержения и альтруизма во имя неких общественных или трансцендентных целей. Отсутствие в стране общественной идеологии «альтруистическо-аскетического» типа как «цементирующей» силы приводит к чрезмерному следованию личному интересу, т.е. к распространению оппортунистического поведения. В России периода начала реформ этому распространению способствовало насаждение государством через средства массовой информации новой общественной идеологии, которую можно назвать «идеологией демонстративного потребления» [там же, с. 28–31]. В качестве цели жизни была выдвинута идея быстрого обогащения любой ценой.

Как можно было противостоять в таких условиях нечестному или недобросовестному поведению в хозяйственных отношениях? Либо ограничивая «круг экономического общения» родственниками и близкими друзьями, либо обращаясь за помощью к преступным кланам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в России в начале переходного периода как формальная часть институциональной среды, так и ее неформальная часть в значительной мере благоприятствовали развитию семейно-кланового капитализма. При этом сама институциональная среда эволюционировала таким образом, что постепенно правила игры, соответствующие семейным и клановым отношениям, стали вытеснять институты как плановой, так и рыночной экономики. Иными словами,

к началу нового тысячелетия институты семейно-кланового капитализма стали доминировать.

Одними из важнейших индикаторов того, что наша экономика во многом уже семейно-клановая, являются показатели ее теневизации [1; 23]. Здесь огромная опасность может состоять в постепенном стирании грани между легальными и нелегальными формами хозяйственной деятельности. В таком случае «право силы» побеждает «силу права» [19, с. 294–341].

Для понимания сущности семейно-кланового капитализма необходимо рассмотреть особенности финансирования сделок, заключаемых в рамках этой экономической системы.

3. ПЕРЕХОД К СЕМЕЙНО-КЛАНОВОМУ КАПИТАЛИЗМУ И ДЕНЕЖНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ

Любая хозяйственная деятельность требует финансирования. Особенности этого финансирования частично вытекают из специфики координации хозяйственной деятельности, а частично на нее влияют.

Например, «нормальная» рыночная экономика (напомним, что мы вслед за посткейнсианцами договорились называть ее «денежной»), основанная на функционировании форвардных контрактов, защищаемых государством, требует, чтобы средство обращения принималось всеми хозяйствующими субъектами, сохраняло свою ценность как можно дольше, а также давало максимальную информацию относительно его владельцев. Это связано с тем, что в такой экономике преобладают долгосрочные и дорогостоящие контракты, связанные с вовлечением в них большого количества экономических субъектов, которым необходима как можно более полная информация друг о друге и об особенностях таких контрактов, а также о ценности обмениваемых активов.

Какой вид средств обращения наилучшим образом удовлетворяет этим свойствам? Конечно же, банковские деньги. Они обеспечивают максимально возможную прозрачность экономических отношений в рыночной экономике, позволяют четко измерять ценность обмениваемых активов, а также интегрируют множество разных хозяйствующих субъектов и позволяют им взаимодействовать друг с другом на протяжении больших промежутков времени. Поэтому в подобной экономике делаются возможными крупномасштабные инвестиции в основной и человеческий капитал, технический прогресс, высокие темпы генерирования и диффузии инноваций. Быстрый, устойчивый, интенсивный экономический рост является естественным следствием описанной организации хозяйственной жизни на основе форвардных контрактов, банковских денег и четкого выполнения государством функции защиты контрактных обязательств.

Ясно, что координация хозяйственной деятельности в рамках семейно-клановой экономики выглядит иначе. Главный аспект — «разделение на чужих и своих» [2; 5, гл. 6]. В денежной экономике каждый хозяйствующий субъект заключает сделки с теми, кто позволяет ему наилучшим образом достичь своих целей. В семейно-клановой экономике каждый субъект заключает сделки либо с родственниками, либо с теми, кто находится под защитой одного и того же (или близких) клана (кланов). Все остальные агенты попадают в разряд «чужих». Короче говоря, как уже отмечалось выше, происходит сужение «круга экономического общения». При этом экономические связи в значительной мере носят персонифицированный характер.

Другое важнейшее свойство координации хозяйственной деятельности в семейно-клановой экономике — гораздо меньшая степень прозрачности по сравнению с координацией в чисто ры-

ночной системе. Это связано с тем, что очень значительная часть сделок в такой экономике носит полностью или частично теневой характер, и их участники нуждаются в том, чтобы их отношения были скрыты от «посторонних» (в первую очередь, в лице различных государственных органов) [10].

Кроме того, экономические отношения в рамках семейно-кланового капитализма нередко носят более краткосрочный характер, чем в денежной экономике. Это является следствием неспособности государства защитить частных хозяйствующих субъектов и распространности оппортунизма. В таких условиях люди стараются не планировать на отдаленное будущее, предпочитая ориентироваться на более сиюминутные результаты. Впрочем, это последнее свойство исчезает по мере того, как родственные и криминальные связи становятся все теснее и теснее. Укрепление семейных и клановых отношений позволяет людям заглядывать в более далекое будущее. Эти идеи отчасти близки тезису Ю. Латова о том, что для общества организованная преступность менее вредна, чем неорганизованная [19, с. 533—535].

Наконец, семейно-клановая экономика предъявляет меньше требований к четкому соизмерению ценности обмениваемых активов. Когда сделки осуществляются между людьми, состоящими в родственных отношениях или относящимися к одному и тому же преступному клану, детальная информация о «покупаемых» и «продаваемых» благах не обязательна. Более того, в ряде случаев такая информация вообще не должна быть доступна, особенно для уже упоминавшихся «посторонних».

Вышеописанные свойства семейно-клановой экономики указывают на то, что банковские деньги в ряде случаев оказываются не только ненужными, но и неадекватными для такой системы.

Ведь экономические отношения носят здесь более локальный, персонифицированный, скрытный и (нередко) краткосрочный характер, чем в условиях рыночной экономики. Поэтому на первый план в семейно-клановой экономике выходят те виды средств обращения, которые могут обеспечить низкую степень прозрачности хозяйственных операций, создать условия для «ловли рыбки в мутной воде». Такими «мутящими воду» хозяйственных отношений средствами оказываются бартер, неплатежи и наличность.

В таком контексте становится понятным массовое распространение указанных средств обращения в российской экономике 1990-х гг. Мы назвали этот процесс «денежной деградацией». Согласно предлагаемому нами определению, денежная деградация — это процесс увеличения в структуре совокупного запаса средств обращения таких активов, использование которых повышает транзакционные издержки и затрудняет финансирование дорогостоящих и долгосрочных производственных инвестиций [6; 10].

Думается, нет нужды пояснять, почему к подобным активам следует отнести бартер и неплатежи. Использование этих видов средств обращения связано с большими транзакционными издержками, чем употребление денег, особенно когда бартер обслуживает многоступенчатые сделки. Кроме того, конкретные виды бартера и неплатежей плохо выполняют функцию средства сохранения ценности и не являются активами, которые будут приниматься *всеми* агентами в качестве средства погашения обязательств. Таким образом, можно говорить о том, что распространение бартера и неплатежей приводит к дезинтеграции хозяйства и его «близорукизации» [7].

Но почему распространение наличности (и вытеснение банковских денег) следует также трактовать в качестве

элемента денежной деградации? Конечно, по сравнению с бартером наличные деньги — «прогрессивный» способ обслуживания хозяйственной деятельности. Но их применение все равно связано с большими транзакционными издержками по сравнению с банковской системой (естественно, за исключением случаев, когда банковская система функционирует крайне медленно из-за неадекватного состояния сфер транспорта и связи или когда сделки осуществляются между субъектами, территориально расположенными близко друг от друга). Но главный недостаток состоит в том, что в условиях доминирования наличных денег над банковскими деньгами — в структуре средств обращения — возможности предприятий в финансировании своих инвестиций ограничиваются в основном их внутренними источниками. Ведь небольшой удельный вес банковских денег в структуре средств обращения означает небольшую распространенность банковского кредита (из экономической истории известно, что кредиты стали массовым явлением только тогда, когда они стали деньгами) [10, с. 56]. А ограниченность банковского кредита является важнейшим препятствием для конкретной реализации инвестиционных проектов. Конечно, банковская система тоже может играть важные роли в семейно-клановой экономике, участвуя в отмывании денег и т.д. Но все же ее значимость здесь меньше, чем в рыночной экономике.

По мере окончания перехода от планового хозяйства к семейно-клановой экономике процесс денежной деградации замедляется. Более того, стабилизация родственных и теневых отношений может сопровождаться «денежным прогрессом», т.е. процессом, обратным денежной деградации. Но в целом семейно-клановая экономика характеризуется большим удельным весом бартера и неплатежей в обслуживании сделок по сравнению с денежной экономикой

(в которой бартер иногда используется и даже повышает эффективность обслуживания сделок, но лишь в особых случаях [3]), а также большей долей денежного агрегата М0 по отношению к агрегатам М2 или М3³. А это, в свою очередь, означает, что в семейно-клановой экономике, по сравнению с рыночной экономикой, гораздо меньше возможностей, связанных с финансированием долгосрочных и дорогостоящих производственных инвестиций. Следовательно, остается меньше возможностей для финансирования технического прогресса: согласно посткейнсианским моделям роста (к которым неправильно относят модели Е. Домара и Р. Харрода), технический прогресс возможен в первую очередь за счет инвестиций в основной капитал [28; 29]. Кроме того, там, где доминируют бартер и неплатежи, становится почти невозможной диффузия инноваций [10, с. 56].

Наличность и особенно бартер с неплатежами, в свою очередь, мешают формированию «нормальных» рыночных отношений. Использование бартера и неплатежей затрудняет соизмерение ценностей активов, «участвующих» в сделках, затрудняет прогнозирование будущих значений важных экономических переменных. Тем самым они открывают широкие возможности для разного рода злоупотреблений, т.е. для уже упоминавшегося оппортунистического поведения. Полноценная рыночная экономика невозможна тогда, когда в сфере обращения доминируют активы, плохо выполняющие функции счетной единицы и средства сохранения ценности. Это еще одна причина того, почему денежная деградация является серьезной проблемой, требующей внимание лиц, ответственных за проведение экономической политики.

³ По поводу сравнительного анализа структуры денежных агрегатов в России и на Западе см. [4].

4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНО-КЛАНОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Понять сущность семейно-клановой экономики поможет также анализ особенностей экономического поведения хозяйствующих субъектов. При этом, как и в предыдущем разделе, проведем сопоставление с денежной экономикой.

Поведение большинства хозяйствующих субъектов в денежной экономике характеризуется (сравнительно) высокой степенью рациональности, простым следованием личному интересу, «нормальной» «оценкой будущего времени», а также ориентацией на рыночные отношения. Ниже мы поясним этот тезис.

В «нормальной» рыночной экономике степень личной ответственности каждого субъекта выше, чем в семейно-клановом хозяйстве, где немалую роль играют элементы коллективной ответственности, представляющие собой неизбежный спутник родственных или клановых отношений. Кроме того, если рассматривать именно постсоветскую, российскую экономику, то здесь нужно отметить, что низкая степень личной ответственности представляет собой естественный продукт долгого существования планового хозяйства, являющегося примером экономической системы с гипертрофированной ролью коллективной ответственности. «Гомо советикус» за долгие годы жизни в условиях советской власти отвык самостоятельно принимать многие серьезные экономические решения и нести на себе их последствия.

Низкая степень личной ответственности означает, в свою очередь, низкую степень рациональности поведения. Дело в том, что главное содержание рациональности — «расчетливость» (calculatedness): чем больший объем информации собирается и обрабатывается индивидом перед принятием решения, тем бо-

лее рационален этот индивид [11; 27]. Низкая степень личной ответственности отбивает стимулы к расчетливости, а соответственно, отбивает стимулы к тому, чтобы в своих действиях приближаться к полной рациональности. Таким образом, в семейно-клановой экономике степень рациональности ниже, чем в денежной, т.е. «нормальной», рыночной экономике. А это означает, что люди в целом прилагают меньше усилий в ходе размещения ресурсов. И, соответственно, эти ресурсы размещаются менее эффективно, чем в рыночной системе.

Здесь следует также отметить, что степень рациональности может быть особенно низкой в период «перехода» к семейно-клановому капитализму, т.е. когда он еще не сложился. Дело в том, что такой «переход», как уже отмечалось, сопровождается быстрой теневизацией экономики, «правовым беспределом», а следовательно, повышением степени неопределенности будущего, что и имело место в российской экономике 1990-х гг. [9]. Но чем выше неопределенность будущего, тем меньше возможностей для получения информации, нужной для проведения расчетов в ходе принятия решения, тем меньше степень рациональности поведения [там же]. Однако, как уже упоминалось, упрочение клановых отношений снижает неопределенность будущего и, таким образом, устраняет одну из важных причин низкой степени рациональности поведения. Но все равно, в «семейно-клановых условиях» она оказывается ниже, чем в денежной экономике.

Другой аспект экономического поведения при семейно-клановом хозяйстве, который плохо влияет на эффективность размещения ресурсов, — это уже не раз упоминавшийся выше *оппортунизм*. Из вышеприведенных рассуждений следует, что оппортунизм — это норма поведения, которая отчасти порождает развитие семейно-кланового капитализма, а отчасти сама укореняет-

ся среди людей по мере распространения экономических отношений на основе клановых связей. Но дело в том, что оппортунизм и тесно взаимосвязанный с ним принцип «разделения на чужих и своих» ведут, как опять-таки неоднократно отмечалось выше, к «сужению круга экономического общения». «Чужие» не доверяют друг другу, опасаясь взаимного оппортунизма в условиях, когда государство не защищает контракты. Это означает, что не заключается множество сделок, которые могли бы улучшить размещение ресурсов и/или «направить» их таким образом, чтобы стимулировать экономический рост.

В «нормальной» рыночной экономике, конечно, оппортунизм тоже играет важную роль, но все-таки, как правило, он менее распространен, чем «простое следование личному интересу», когда «хозяйствующий субъект стремится к личной выгоде, не ущемляя прав других субъектов, но при этом и не ориентироваться на их интересы» [19, с. 54]. Когда именно такая степень следования личным интересам, а не оппортунизм, является доминирующей нормой поведения, то не возникает проблемы всеобщего взаимного недоверия, которая столь важна в условиях семейно-кланового капитализма (естественно, эта проблема не касается отношений между «своими»).

Не менее важен аспект, связанный с «оценкой будущего времени». Такая оценка является «нормальной», если индивид дисконтирует будущие поступления денег, товаров или ресурсов лишь на основе фактических процентных ставок или своей постоянной, субъективной нормы дисконта. Отклонением от «нормальной оценки времени» является «*краткосрочная временная ориентация*» (short-termism). Указанное явление заключается в том, что поступления каждого последующего периода дисконтируются по более высокой норме дисконта [25]. Оценка будущего времени оказывается как бы заниженной.

Еще более сильным отклонением от «нормы» является инвестиционная близорукость. Данное понятие описывает феномен устранения индивидом из своих расчетов будущих периодов, начинающихся после некоторого «порогового момента времени». Иными словами, инвестиционная близорукость означает очень короткий временной диапазон принятия решений [29].

Описанные отклонения от «нормальной оценки будущего времени» являются следствием комплекса чисто экономических, а также институциональных и прочих факторов. В контексте формирования и развития семейно-кланового капитализма в России здесь важны следующие факторы. Во-первых, это резкое повышение степени неопределенности будущего, сопровождающее в принципе любую переходную экономику, в том числе и ту экономику, которая «переходит» от планового хозяйства к семейно-клановой системе. Во-вторых, это теневизация экономических отношений, делающая их более мутными и затрудняющая расчеты и измерения (к этой же причине относится неизбежно сопровождающая теневизацию денежная деградация). В-третьих, в семейно-клановой экономике «заглядывать далеко вперед» мешает неблагоприятная институциональная среда в виде неадекватных и противоречащих друг другу законов, их плохого исполнения, а также уже рассмотренного оппортунизма. Первая из этих причин, как уже отмечалось, может постепенно сойти на нет по мере упрочения клановых отношений. Но фундаментально «непрозрачный» характер семейно-клановой экономики и сопровождающая ее неблагоприятная институциональная среда не поощряет реализацию инвестиционных проектов с длительным сроком окупаемости. Поэтому экономические субъекты, функционирующие в условиях семейно-кланового капитализма, в целом склонны занижать будущее время

или вообще выключать его в значительной мере из своих расчетов, как это происходит при инвестиционной близорукости. Субъекты «нормальной» рыночной экономики, с другой стороны, как правило, стремятся к «нормальной» оценке будущего времени, поскольку не возникает описанных выше причин для «отклонений от нормы».

Последствия краткосрочной временной ориентации и инвестиционной близорукости очевидны. *Субъекты семейно-клановых отношений отказываются от инвестиций с длительным сроком окупаемости.* Не происходит накопления многих важных видов физического и человеческого капитала, технического развития, генерирования инноваций. *Экономическая система с заниженной оценкой будущего времени обречена на застой или, в лучшем случае, на низкие темпы роста.* Короче говоря, последствия заниженной оценки будущего времени аналогичны последствиям низкой субъективной нормы дисконта в стандартных моделях роста, только они еще более суровы.

Есть еще один аспект экономического поведения. Речь идет о том, на какой тип экономических отношений ориентированы сами люди. Если они ориентированы на равноправные, разрешенные законом и взаимовыгодные экономические отношения, т.е., говоря конкретнее, ориентированы на рыночные отношения, то это значит, что они имеют предрасположенность к тому, чтобы жить в условиях того, что мы здесь называем денежной экономикой. И если фактическая экономическая система еще не является таковой, то в более или менее ближайшем будущем она начнет эволюционировать в сторону рынка. Пример — экономика стран Восточной Европы, где неформальные нормы поведения хозяйствующих субъектов были в целом «прорыночными», чего нельзя сказать о нормах поведения граждан бывшего СССР (за исключением, по-видимому, стран Бал-

тии), где на искоренение адекватных «рынку» институтов было затрачено гораздо больше времени.

Но люди могут отклоняться от рыночноориентированного поведения. Во-первых, каждый хозяйствующий субъект может ориентироваться на неравноправные отношения. Тогда мы рано или поздно окажемся в мире иерархичных социальных систем — феодализма, «азиатского способа производства» или «планового социализма» (здесь мы не поднимаем вопрос о том, насколько последние две упомянутые системы похожи друг на друга). Во-вторых, каждый субъект может стремиться к сочетанию самообеспечения и отношений взаимопомощи с родственниками, соседями и близкими друзьями. Тогда экономическая система носит «семейный» характер или, по меньшей мере, движется в эту «сторону». В-третьих, каждый субъект может стремиться к нарушению формальных правил игры и/или их замене теми правилами, которые устанавливаются преступными кланами [19, с. 57–58].

Нет нужды говорить, что в современной российской экономике рыночноориентированное поведение не является доминирующим, хотя и в определенной мере распространено. Более значимую роль играют ориентации на семейные и клановые отношения [19, с. 194–220, 492–545]. Это означает, что сами люди ориентированы на такой стиль экономических отношений, который адекватен семейно-клановому капитализму.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СЕМЕЙНО-КЛАНОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА С НЕЭФФЕКТИВНЫМ РАЗМЕЩЕНИЕМ РЕСУРСОВ И НИЗКИМИ ТЕМПАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Вышеприведенный анализ показывает, что семейно-клановый капитализм представляет собой экономическую си-

стему со специфическими характеристиками своей институциональной среды как способа координации хозяйственной деятельности, снижающей неопределенность будущего, со специфическими способами финансирования этой координации, а также со специфическими особенностями экономического поведения. По всем этим аспектам данная экономическая система отличается от «нормальной» рыночной экономики (и от плановой тоже, хотя последний аспект нами не доказывается и здесь нас не интересует).

Представленный выше анализ также показал, что рассмотренные специфические характеристики способов координации хозяйственной деятельности, финансирования этой координации и экономического поведения приводят, так сказать, к меньшей «конкурентоспособности» семейно-клановой экономики по сравнению с рыночной экономикой в плане размещения ресурсов и экономического роста. Семейно-клановый капитализм — это экономика с неэффективным размещением ресурсов и низкими темпами экономического роста, по крайней мере, если его сопоставлять с «нормальной» рыночной («денежной») экономикой.

Неадекватные и противоречащие друг другу законы, наличие юридических пустот (содержащиеся в одних законах ссылки на несуществующие другие законы), распространенность оппортунизма и инвестиционной близорукости как норм поведения, низкая степень рациональности экономического поведения, ориентация людей на самообеспечение, родственные и клановые отношения, большой удельный вес в сфере обращения бартера, неплатежей и наличности, огромная роль теневого сектора и постепенное стирание границ между легальными и нелегальными видами деятельности — все эти характеристики семейно-кланового капитализма

обрекают его на растрату ресурсов и на экономический застой⁴.

Конечно, вопрос о том, в какой степени современная российская экономика является примером семейно-кланового капитализма, окончательно не решен. Говорить о малой значимости «нормальных» рыночных отношений в нашей экономике было бы просто смешно. Просто мы исходим из большей роли именно семейных и клановых отношений и в целом позволяем себе определять нашу экономику как «семейно-клановую». Однако окончательно решить вопрос о правомерности такой трактовки российского хозяйства можно будет только после серии широкомасштабных эмпирических исследований, которые либо подтвердили бы, либо опровергли выдвинутые в данной работе утверждения.

Однако ясно одно: многие фундаментальные недостатки современной российской экономики не могут быть преодолены путем разрозненных мероприятий экономической политики. Единственное решение — фундаментальная трансформация всей институциональной среды экономики России, начиная от законов и заканчивая доминирующими нормами хозяйственного поведения ее рядовых участников. Впрочем, вопрос о конкретном осуществлении такой трансформации сам по себе очень обширен, чтобы его можно было хотя бы отчасти осветить в настоящей работе. Ведь для большинства экономистов даже вопрос о том, как лучше перейти от планового хозяйства к рыночной экономике, остается по-прежнему открытым. Так что уж тут говорить о переходе к этой самой рыночной экономике от семейно-кланового капитализма. Чтобы понять закономерности такого перехода, нужно сначала разобраться с характеристиками семейно-кланового хозяйства. Именно такую попытку мы предприняли в данной работе.

⁴ См. также [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова Н.Н.* Масштабы и динамика развития теневой экономики в постсоциалистических государствах Евразии (обзор зарубежных исследований) // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. Вып. 4 (1). С. 110–115.
2. *Косалс Л.Я.* Центр реформы — микроуровень // НГ-Политэкономика. 2000. 18 янв. № 1 (42).
3. *Макаров В., Клейнер Г.* Развитие бартерных отношений в России. Институциональный этап. М.: ЦЭМИ РАН, 1999.
4. *Ноздрань Н., Березин И.* Денежные агрегаты: теория и практика // Вопросы экономики. 1993. № 6. С. 31–39.
5. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учеб.-метод. пособие. Гл. 6. М.: ИНФРА-М, 2000.
6. *Розмаинский И.В.* Криминализация экономики и денежная деградация как факторы инфляции издержек в России // Семинар молодых экономистов. Декабрь. 1997. Вып. 3. С. 58–65; <http://ecn.econ.pu.ru/publish/sye/index.htm>.
7. *Розмаинский И.В.* Эндогенность денег и эндогенность неплатежей: сходства и различия. <http://ecn.econ.pu.ru/publish/sye/index.htm>.
8. *Розмаинский И.В.* Концепция делового цикла в посткейнсианстве: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1998. С. 9.
9. *Розмаинский И.В.* Институциональный анализ рациональности домохозяйств и критика проведения политики шоковой терапии в переходной экономике России // <http://ie.boom.ru/Rosmainsky/instshok.htm>.
10. *Розмаинский И.В.* Расширение теневой экономики и «денежная деградация»: пагубная взаимосвязь // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. Вып. 4 (2). С. 48–57.
11. *Розмаинский И.В.* На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1. С. 86–99.
12. *Розмаинский И.В.* Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века // Там же. Т. 1. № 3. С. 28–35.
13. *Сапир Ж.* К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России...

14. *Скоробогатов А.С.* Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2002. С. 12.
15. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2000. С. 27.
16. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.
17. *Фофанов А.А.* Генезис новой институциональной экономической теории: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1998.
18. *Ходжсон Дж.* Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 39–55.
19. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.
20. *Carvalho F.* Mr. Keynes and the Post Keynesians. Principles of macroeconomics for a monetary production economy. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
21. *Davidson P.* Money and the real world. L.: Macmillan, 1972.
22. *Dequech D.* Fundamental uncertainty and ambiguity // Eastern Economic Journal. 2000. V. 26 (1). P. 41–60.
23. *Fish M.S.* The Roots of and Remedies for Russia's Racket Economy // <http://garnet.berkeley.edu/~briewww/courses/sc/cp221/fish.html>.
24. *Hodgson G.* The ubiquity of habits and rules // Cambridge Journal of Economics. 1997. V. 21. P. 663–684.
25. *Juniper J.* A genealogy of short-termism in capital markets // <http://business.unisa.edu.au/cobar/workingpapers/cobar/2000-03.pdf>.
26. *Keynes J.M.* A treatise on money. L.: Macmillan, 1930. V. 1. P. 3.
27. *Leibenstein H.* Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics. L.: Harvard University Press, 1976.
28. *Palley T.I.* Growth theory in a Keynesian mode: some Keynesian foundations for new endogenous growth theory // Journal of Post Keynesian Economics. 1996. Fall. V. 19 (1). P. 113–135.
29. *Rozmainsky I.V.* A simple Post Keynesian model of investor myopia and economic growth // <http://meritbbs.unimaas.nl/WEHIA>.